

Теория Колина Крауча о
живучести неолиберализма
(«Странная не-смерть
неолиберализма»)

Быстрые темпы социальных изменений, которыми характеризуется глобальная эпоха, приобретают далеко не всегда приглядный вид, что вынуждены признать идейные сторонники рынка, демократии и в целом глобализации. К числу таких теоретиков следует отнести британского социолога Колина Крауча. Будучи явным приверженцем демократии, а шире – проекта Просвещения, в своих трудах он демонстрирует серьезную озабоченность судьбой принципов народовластия.

Во-первых, принципиально изменилась геополитическая ситуация – исчез СССР, долгое время заставлявший крупных бизнес-дельцов умерять пыл и мириться с кейнсианской политикой. Последняя в определенной степени вызвала инфляционный кризис, поскольку предполагала высокую покупательную способность населения. Уже с 70-х гг. начинается опробация новой политико-экономической модели, предполагающей совершенно иной расклад, который К. Крауч называет приватизированным кейнсианством. Отличие данной модели от кейнсианства заключается в том, что теперь стимулирование экономики происходит за счет растущих долгов простых людей, тогда как ранее в долги входило правительство.

Отмечаемая британским ученым тенденция вполне согласуется с выводами других современных исследователей. Так, З. Бауман, У. Бек и отчасти Э. Гидденс констатируют своеобразную индивидуализацию, вызванную тем, что люди в современном обществе все более и более оказываются пред

бе.

Во-вторых, глобализация и постиндустриализм стимулировали ряд процессов, выгодных капиталу или, точнее, использованных последним в свою пользу, причем не только в экономическом, но и в политическом смысле. Это потоки дешевой рабочей силы из менее развитых стран, это структурные изменения рабочего класса (как в силу миграций, так и в силу оттока в сектор услуг), приведшие к размыванию пролетарской идентичности и ослаблению социальной базы демократических движений; наконец, едва ли не самое важное – концентрация экономической мощи в руках не столь уж многочисленных корпораций, давно переросших национальный уровень. Последнее обстоятельство обуславливает тесный и все крепнущий союз лидеров экономики и политики со всеми отсюда вытекающими для социального большинства последствиями. Следует отметить, что К. Крауч вовсе не намерен отождествлять либерализм и демократию.

Это достаточно разные вещи и их конфликтный потенциал по отношению друг к другу достаточно высок. Однако конструктивные компромиссы здесь все же возможны. Гораздо ближе либерализму понятия «капитализм», «рынок».

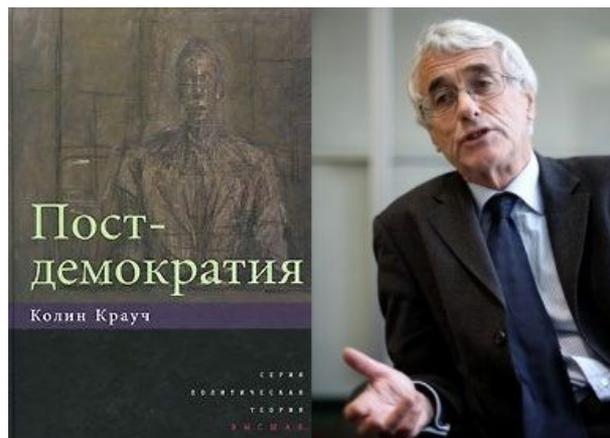
К. Крауч признает экономическую эффективность капиталистического рынка, но его безудержное распространение обязательно вступит в противоречие с демократическими принципами. Именно это и происходит сейчас в западных обществах, вроде бы относительно благополучных в социальном плане.

Интересно, что британский ученый (по крайней мере, на момент написания книги) рассматривал данное обстоятельство не столько как уже свершившийся факт, сколько как весьма реальный процесс, который еще возможно повернуть вспять.

Итак, что же такое постдемократия? Автор данного термина определил черты рассматриваемого феномена следующим образом. Это не то чтобы отрицание собственно демократии.

Приставка «пост-» используется так же, как она используется, например, в понятии «постиндустриализм». Ведь постиндустриальные общества продолжают пользоваться всеми плодами индустриального производства; просто их экономическая энергия и инновации направлены теперь не на промышленные продукты, а на другие виды деятельности. Точно так же постдемократические общества и дальше будут сохранять все формальные черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, публичные дебаты и т.п. «Но энергия и жизненная сила политики, – пишет К. Крауч, – вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, – к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии».

Подобная эрозия демократических институтов, с точки зрения Колина Крауча, вполне закономерна. Он констатирует явное ослабление общественного контроля за правительственными институтами при одновременном усилении влияния со стороны деловых бизнес-кругов. Последние представлены экономическими (в первую очередь) структурами – корпорациями. В основном это крупные компании, действующие в глобальных масштабах. Отмечая господство на официальном уровне неолиберальной риторики, К. Крауч обоснованно отмечает неоднократно проявляющийся здесь двойной стандарт.

Кредо неолибералов – концепция свободного рынка (Ф. Хайек) – фактически не работает на практике. В реальности происходит концентрация капиталов на уровне олигополий, или даже монополий, что вполне логично. Причем главным условием победы и выживания в глобальной конкуренции является взаимодействие с властями. Гибкие стратегии, новые технологии, о которых любят говорить постиндустриалисты, тоже имеют значение, но выстраивание отношений с государством выходит на первый план. По большому счету, это более простой и прибыльный способ закрепления на рынке.

К. Крауч в целом оспаривает тезис об исключительно международном статусе ТНК.

Национальные рынки, как и национальные правительства, все так же существуют. Поэтому глобальный капитал не стоит объявлять целиком и полностью независимым – это будет явным преувеличением. Даже «транснациональные гиганты сильно ограничены в возможностях менять одну страну на другую в поисках самых низких налогов и минимальных требований по части трудового законодательства – этому препятствует сложившаяся структура инвестиций, кадров и деловых связей». Кроме того, переезд закономерно связан с большими затратами, которых лучше избежать.

Все более тесное взаимодействие штаб-квартир компаний с правительственными структурами означает, по мнению К. Крауча, усиления давления первых на вторые. Политический процесс перерождается в систему деловых лобби – таков результат «свободного рынка», оставленный без внимания неолиберальными идеологами.

В то же время принятие удобных корпорациям государственных решений – это еще не все. Хуже то, что функции государства начинают переходить именно к корпорациям. Британский социолог указывает на один из тезисов неолиберальной теории, заявивший о себе с 80-х гг. XX в., согласно которому бизнес может вмешиваться в дела государства, но не наоборот. Это обосновывается тем, что правительственные чиновники якобы менее компетентны в делах общественной проблематики, чем акулы бизнеса. «Правительство становится своего рода институциональным идиотом – каждый его непродуманный ход заранее предсказывается хитрыми рыночными игроками и вследствие этого лишается смысла. Из этого следует ключевая политическая рекомендация современной экономической ортодоксии – государству лучше вообще ничего не делать, помимо выполнения своей роли гаранта свободного рынка». В результате правительственные структуры теряют уверенность, что они могут справиться со своими обязанностями без руководства со стороны корпоративного сектора. Все больше обязанностей правительства, касающихся в основном заботы об общественных интересах, передаются в руки частных субподрядчиков, и, как считает К. Крауч, государство и в самом деле начинает терять компетентность в тех сферах, в которых ранее чувствовало себя как дома.

К. Крауч с большим сожалением вынужден констатировать дискредитацию идеи государственной службы. Правительственным служащим долгое время предписывалась особая социальная этика, предполагающая постоянно помнить и заботиться об общественных интересах. По мнению британского исследователя, эти идеи, пусть скорее в теоретическом плане, существовали даже в период «дикого капитализма», а в период «государства всеобщего благоденствия» достигали многого и на практике. Сейчас же идея особого статуса государственной службы объявлена «нелепой и смехотворной, а высшей целью человеческого существования провозгласили стремление к личной наживе, политики, советники и все прочие предсказуемо стали считать продажу своего влияния важнейшим и абсолютно легитимным аспектом своего участия в политической жизни». Вышеуказанное обстоятельство, а также глубокие изменения в социальной структуре предопределили изменения в политической жизни западных обществ. К. Крауч пишет о том, что в условиях постдемократии тип политической партии совершенно иной, нежели он был при демократии.

Таким образом, публичная политика все больше делает акцент на представлении, чем на содержании, в силу чего превращается в вид своего рода шоу. Это, по мнению названного исследователя, извращает сам смысл западной демократии и ведет к дальнейшему измельчанию политических лидеров, что вовсе не так уж плохо для корпораций.

В сущности действия политиков сводятся к тому, чтобы подороже продать себя, что они делают с помощью бренда и красивой упаковки. Ослабление социальной составляющей внутренней политики современных обществ неизбежно ведет к усилению расслоения и сокращению доходов большинства населения. Чтобы это не ударило по сфере массового потребления (как известно, выполняющей не только экономическую, но и идеологическую функцию), получила распространение система кредитования, которая давала возможность сохранять высокий уровень потребления даже при невысоких зарплатах. Кредитами могли воспользоваться практически все слои населения (среди богатых слоев большое распространение получили рынки деривативов и фьючерсов). Причем большая часть этих ипотечных и потребительских долгов была не обеспечена. «Займы под реальные гарантии, – пишет К. Крауч, – определенно не могли помочь группам населения, не имеющим высоких доходов, продолжать траты, несмотря на незащищенность на рынке труда. Широкое распространение пролонгируемых необеспеченных долгов стало возможным благодаря инновациям на финансовых рынках...».

Колин Крауч провел весьма удачный и объективный анализ обозначившихся в относительно благополучном западном обществе тенденций.

С некоторой грустью он констатирует, что сложившаяся в третьей четверти XX столетия ситуация не могла продлиться долго. Она характеризовалась многими практическими воплощениями демократических эгалитарных принципов – высоким уровнем политического участия, неплохим материальным благосостоянием. Но вскоре приспособившиеся элиты вновь «научились управлять и манипулировать», тогда как пресытившийся демократическими институтами простой народ «разочаровался, заскучал или занялся частной жизнью». Притирка правящих групп к демократическим механизмам вызвала неизбежное их выхолащивание со всеми вытекающими отсюда последствиями – ослаблением общественного контроля за действиями элит, усилением социального расслоения ввиду требования финансовых воротил «приватизировать прибыли и социализировать убытки». Классовый, а не общественный интерес становится доминирующим.

В силу этих обстоятельств К. Крауч не уверен, что нынешний западный социум в дальнейшем можно будет определять как демократию. Ведь ее практика все больше сходит на нет, и от нее может остаться лишь пустая оболочка. Хотя в самом начале своей книги британский мыслитель и определяет постдемократию более как угрозу, а не свершившийся факт, ход и тон его дальнейших рассуждений более наводит мысль о втором, нежели о первом. Сопоставление с другими работами и с общественной практикой в целом подтверждает данный вывод.